

Альманах "Рыболов- спортсмен"

№04 1954

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57 Альманах "Рыболов-спортсмен": №04 1954 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 303 с.

ISBN 978-5-519-18516-5

Сборники художественных рассказов и хроник о рыбной ловле, а также советы по изготовлению снастей. Прекрасная возможность окунуться в атмосферу природы и быта той страны, в которой многие из нас родились и выросли.

Очередной выпуск альманаха содержит очерки о рыбной ловле, статьи учёных-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта...

ISBN 978-5-519-18516-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

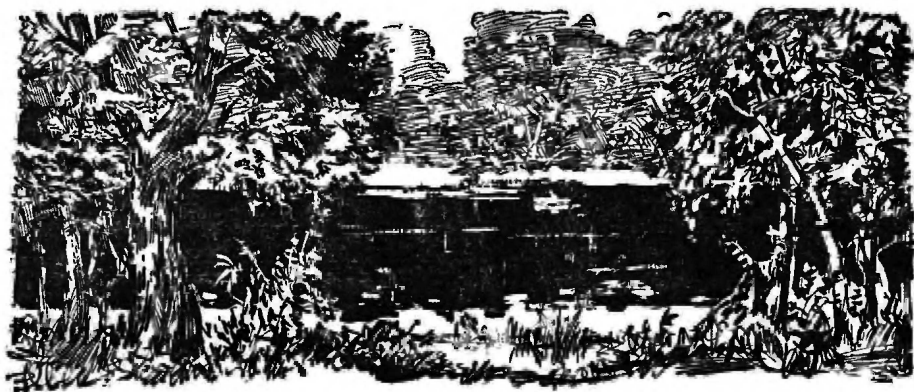
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. Синельников

НА ОЗЕРЕ ГЛУБОКОМ

Заканчивая отпуск минувшего лета, я случайно попал в знаменитые Воротынцы, о которых много слышал как об одном из красивейших и добычливейших рыболовных мест на Северном Донце.

Несколько дикая и угрюмая красота воротынцовских сомовых омутов и коряжистых завалов под нависшими над водой серыми глыбами крутоярья, красота глубокой и обширной, отгороженной от реки редкой грядой огромных скользких камней голавлиной заводи ниже шумного речного переката и широкой лещевой косы за крутым изгибом реки пленили меня, а результаты рыбной ловли в Воротынцах превзошли самые смелые мои надежды.

Только за одну темную ночь и ясную утреннюю зорю я выловил там шесть метровых сомов, дюжину крупных голавлей и пару широчайших красавцев-лещей.

Понятно, с каким нетерпением ожидал я отпуска предстоящим летом, долгими зимними вечерами еще и еще раз перебирая и проверяя свои рыболовные снасти и мечтая о заветных Воротынцах.

Оттрещали лютые декабрьские и январские морозы, отшумели февральские вьюги да метели, растаяли высокие снежные сугробы, сбежали с гор мутные весенние потоки.

Вот и долгожданный отпуск, а вот уж и любимые, заветные Воротынцы.

Не без волнения, но с верой в несомненный успех расставил я в омутах и заводях свои удочки и закидушки. Но заветные Воротынцы не оправдали на этот раз моих радужных надежд и ожиданий.

Горьки и обидны были первые неудачи.

Внешне в природе Воротынцев как будто ничего не изменилось: все здесь было таким же, как и год назад. Днем так же, за-

брызгав листья деревьев золотом сияющих лучей, залил реку теплом и блеском, ярко светило и грело ласковое летнее солнце. В лесу, радуясь теплу и свету, на все лады распевали беззаботные птички, а в дубовой роще, над крутым и высоким яром, громко и упоенно всю ночь напролет разливал свои серебряные трели неугомонный соловей. На широком плесе глубокой реки так же звонко плескались лещи, голавли и язи, а у крутых берегов и отвесных яров, в глубоких омутах и завалах оглушительно бултыхались большие сомы.

Казалось, все здесь было на своих обычных местах и нисколько не изменилось. Даже отжившая свой долгий, скрипучий век, подмытая внешней водой, одинокая плакучая ива, склоняясь над водой, все еще стояла над темным сомовьим омутом, роняя в него свои тихие слезы. Но рыба совершенно не брала.

Только утром следующего дня разглядел я причину своего невезения. Где-то в верховьях реки, на многочисленных ее притоках, прошли обильные дожди, от которых вода в Донце поднялась и помутилась. Это и послужило причиной того, что большие комки выползков, скользкие вьюны и бойкие пескари на крючках моих удочек и закидушек оставались нетронутыми.

Напрасно я долго и напряженно всматривался в темноте ночи в белые флажки на кончиках моих удилищ. Напрасно после каждого звонкого всплеска рыбы, затаив дыхание, с волнением вслушивался в ночную тишину. Бамбуковые удилища стояли неподвижно, а подвешенные к ним бронзовые колокольчики не вторили, как бывало, своим мелодичным звоном серебряным трелям соловья и не перекликались на утренней заре с лесной хохотушкой-кукушкой.

Попытки вознаградить себя проводкой и нахлыстом с резиновой лодки также не имели успеха. Бесплодными оказались и забросы блесен.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — горестно воскликнул я, наблюдая за тем, как мутная вода подбиралась все выше и выше, заливая песчаные отмели противоположного берега.

«Теперь уже не жди у моря погоды. На целую неделю, а то и больше; с рыбалкой на Донце покончено», — подумал я и с чувством утраты чего-то бесконечно дорогого и близкого поспешно стал собираться домой.

Уложив и увязав все свое снаряжение, я с трудом вскарабкался на крутой яр и, остановившись над рекой, окинул прощальным взором ставшие дорогими обжитые мною любимые места и, тяжело вздохнув, пошел по узкой тропе к железнодорожной станции.

Вскоре небо заволокло черными, грозowymi тучами, где-то за лесом послышались густые раскаты грома.

«Что же все-таки мне делать, куда деваться? Где и как провести эту злополучную неделю?» — думал я по дороге.

Я плохо следил за извилистой лесной тропинкой и не заметил, как сбился с пути.

Хотя дождь и прошел стороною, но в лесу потемнело, и я не сразу заметил свою ошибку. Увидев же перед собой лежащую поперек тропы большую полусгнившую колодину, я остановился как вкопанный.

«Странно,— подумал я,— откуда она взялась? Еще вчера ее здесь не было».

Но, оглядевшись кругом, я скоро обнаружил свою ошибку.

— Сбился с дороги! — с чувством досады воскликнул я и уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил идущего ко мне незнакомого человека.

Это был старик-рыболов. На левом плече он нес складные удочки, увязанные вместе с коротким веслом и широким подсаком, а в правой руке, откинувшись всем корпусом влево,— большую и, повидимому, очень тяжелую корзину. За плечами у него была сложенная пакетом резиновая лодка.

— Здравствуйте! — воскликнул старик, опуская на землю корзину и махая в воздухе затекшими пальцами правой руки. По его полному лицу струился пот.

— Фу-уу! — выдохнул он, присаживаясь на край колодины и снимая с головы широкополую шляпу.

«Чего это он так упарился?» — ответив на приветствие старика и косясь на его корзину, подумал я.

— Присаживайтесь, в ногах правды нет,— вытерев вспотевшее лицо и щуря в улыбке близорукие глаза, сказал старик.

Я присел на колодину и опять невольно поглядел на его корзину: она вздрогнула, закачалась и, вдруг подпрыгнув, с шумом опрокинулась набок.

Из нее, разбрасывая траву, один за другим вывалились четыре огромных линя и, топорща темные плавники, судорожно забились на земле. Сверху на них посыпались крупные, уснувшие окуни.

Старик бросился к корзине.

— Ай-я-яй, чего наделали поросята! — воскликнул он, укладывая рыбу в корзину.— Живучи же эти лини. Другие прикалывают живую рыбу, а я, знаете, не могу. Не могу,— добавил он, возвращаясь на место и устанавливая корзину меж ног.

Может быть, в другое, более счастливое, время, когда и в моей корзине теснились согнутые пополам большие сомы, крупные голавли, язи и лещи, эти лини не произвели бы на меня такого впечатления, но теперь они буквально ошеломили меня. Особенно один из них, тот, что первым вывалился из корзины. Это был линь-великан не менее аршина в длину и толстый, как поросенок.

— В каком же месте вы наловили таких красавцев? — спросил я счастливого рыбака.

— В Глубоком,— улыбаясь, ответил старик.— В Глубоком, где же еще?

«Он считает меня ничего не смыслящим новичком, разъясняя мне, что крупная рыба ловится в глубоких местах,— обиженно по-

думал я.— Вот народец пошел, наловил рыбы и думает, что он всему свету голова».

— Знаю, что не в мелком, но меня интересует, где именно, в каком месте? — переспросил я его.

— Тысяча извинений! — уловив в моем голосе нотку обиды, воскликнул старик.— Я не точно выразился, я хотел сказать на озере Глубоком, думал, что вы знаете... Извините, пожалуйста...

«На Глубоком, на озере Глубоком»,— мысленно повторял я слова старика, почти не слушая его извинений.

Мне вспомнились восторженные рассказы одного моего друга о необыкновенной красоте и сказочном рыбном богатстве озера Глубокого.

Он настойчиво звал меня туда, гарантируя баснословный улов крупной рыбы.

Но мой друг — спиннингист, он охотился на Глубоком за щуками, которых привозил десятками. Я же до щук не большой охотник, поэтому и не соблазнялся его «гарантиями». Другое дело — лини. Это те же лещи и сазаны, из-за таких красавцев стоило побывать на Глубоком. Кроме того, надо же было мне где-то скоротать эту неделю.

Расспросив старика, как добраться до озера и в каких местах ловить линей, я поблагодарил его и собрался уходить, но он остановил меня:

— Покажите мне ваших червей.

Осмотрев и для чего-то понюхав моих червей, он с сомнением пожал плечами и отрицательно покачал головой:

— Анисовыми каплями сдобрены.

Он достал из рюкзака и протянул мне банку с красными пахучими червями. Я сердечно поблагодарил старика за его дружеские советы и, узнав его имя, отчество, фамилию и домашний адрес, распростился с ним, и мы пошли каждый своей дорогой: Андрей Саввич Пастеров (так звали моего нового знакомого) — на станцию, а я — на озеро Глубокое, за линиями.

Когда я подошел к Глубокому, погода стала проясняться, грозовые тучи ушли в низовья Донца, а по небу теперь плыли легкие белые облака.

Озеро покоилось в большой окруженной лесом котловине в форме гигантского полумесяца. Защищая его от знойного дыхания восточных ветров, образуя на покатых склонах берегов высокую зеленую стену, глядясь в озеро, как в хрустальное зеркало, вокруг него толпились огромные прибрежные дубы, тополи и ольхи.

У подножия склонов озеро опоясывали густые лозы, и в самой воде виднелась широкая темная полоса куги, осоки и камышей.

На зеркальной глади изумительно прозрачной воды лежали чудесные, живые кружева из прелестных непахнущих цветов желтых кувшинок и белоснежных водяных лилий.

Далекое и бесконечно глубокое синее небо, плывущие в его просторах легкие перистые облака, опрокинутые зелеными верши-

нами вниз огромные деревья, низкие лозы, осока, куга и камыши, росшие на противоположном берегу,— все это, сохраняя натуральные размеры, естественные цвета, нежные тона и нежнейшие, едва уловимые, оттенки, но теряя межи и грани, тонуло в прозрачной глубине озера.

Все там слилось и смешалось в одночудесное целое, и очарованный взор бессилён был различить, где кончается берег и начинается водная гладь.

Однообразное, монотонное пение наивно простеньких, сереньких обитательниц камышовых зарослей — камышанок — не только не нарушало, а, наоборот, усиливало впечатление царивших над озером тишины и покоя.

Но озеро жило деятельной и полнокровной жизнью. Жизнь в самом озере и над ним кипела, как в муравейнике, не прекращаясь ни на одну минуту.

Иссиня-черная, острокрылая ласточка, будто резвясь и играя, коснулась белым брюшком зеркальной глади плеса и, еле слышно щелкнув коротеньким клювом, стрелою взмыла ввысь — и на одного кровопийцу-комара над озером стало меньше.

Над пышными «лебедиными» цветами лилий, притрагиваясь лапками к их нежным желтым сердечкам и в то же мгновение взлетая над ними, трепеща прозрачными, сухо потрескивающими крылышками и подергиваясь узенькими продолговатыми тельцами, носились фиолетовые стрекозы.

Кружились хороводы больших пестрых бабочек и крошечных белых мотыльков.

У поверхности воды, сверкая бисером чешуи, играли сотни маленьких красноперок, плотичек, уклеек.

И стоило только оплошавшему в вихре воздушного вальса мотыльку коснуться воды, как к нему устремлялись сотни рыбешек и мотылек бесследно исчезал во рту самой резвой и проворной из них. Остальные, не теряя надежды полакомиться хоть крылышком мотылька, все еще суетились, сновали кругом, заглядывая друг дружке в рот, а из-под листьев кувшинок за ними уже наблюдала хищная щука.

Раздался гулкий удар. И вместе с фонтаном брызг искрящимся фейерверком взлетели в воздух обезумевшие от страха мелкие рыбешки. Серебряным дождем, с легким звоном посыпались они обратно в воду и мгновенно исчезли в тени водорослей.

— Пи-ли-пи,— пронзительно запищал, сорвавшись со сломанной камышинки, синий зимородок. Он коснулся воды, и в его длинном клюве затрепетала малюсенькая рыбешка.

— Клок-клок-клок,— несколько раз подряд раздалось среди кувшинок, и на спокойной глади воды возникли и тут же исчезли водяные бугорки. Это подводный, полосатый «тигр» — прожорливый окунь — по-разбойничьи, снизу, из темных водорослей, напал на резвящихся плотичек.

— Ках-ках-ках! — тревожно закричала где-то дикая утка. Это

«львица» подводных джунглей — полупудовая щука — слишком близко проплыла возле крохотных деток крякухи.

— Кр-р-р-р,— раздался резкий, предостерегающий крик лысухи. Над озером, широко распластав могучие крылья и зорко всматриваясь в редкие заросли осоки, бесшумно пролетел ястреб.

Птицы, птички и всякие насекомые над водою, рыбы различных пород и величины, ужи, лягушки, жуки-плавунцы, улитки и водяные блошки в воде — все это жило, двигалось, суетилось, спешило, высматривало, подстерегало, нападало, преследовало и кормилось или укрывалось, спасалось и удирало от преследования.

Только линей — виновников моего знакомства с Глубоким — не было видно.

Любители илистого дна копуны-лины не показывались в верхних слоях воды, но то и дело вздрагивающие верхушки куги и осоки свидетельствовали о том, что и эти подводные «свинки» не дремлют, а вышли на кормежку и торопливо обирают со стеблей осоки прилепившихся к ним личинок стрекоз и «метелицы».

— Пора,— встрепенул я, отрываясь от созерцания жизни Глубокого.

Накачав лодку, я спустил ее на воду и, уложив в нее всё свои вещи, оттолкнулся веслом от берега.

Доплыв до того места, где в озеро впадал маленький журчащий ручей, я остановился и осмотрелся.

— Кр-р-р-р,— снова предостерегающе закричала лысуха.

На этот раз я не обнаружил в воздухе пернатого хищника, повидимому, я сам явился причиной беспокойства лысухи.

Недалеко от ручья, в редких зарослях куги, я заметил большое «окно», затянутое сплошным покровом ряски.

Не въезжая в самое «окно», я измерил глубину озера и, подвязав поплавки, поставил в «окно» три удочки. Раздвинутая кончиками удилиц, ряска тут же сомкнулась вокруг поплавков.

Будучи любителем проточных вод, я с каким-то странным чувством неудовлетворенности, недоумения и недоверия посматривал на поплавки, торчащие из зеленого «поля» ряски.

«Неужели здесь может взять такая рыба»,— вспоминая линей Андрея Саввича, с сомнением подумал я.

Вдруг средний поплавок слегка вздрогнул и, увлекая за собой сомкнувшуюся вокруг него и облепившую его ряску, медленно поплыл в сторону.

Резкое, привычное движение кисти правой руки и... о, радость! На крючке забилась какая-то сильная рыба.

После упорного минутного сопротивления в глубине рыба, разметав ряску, с шумом всплыла на поверхность и, задохнувшись воздухом, беспомощно повисла на натянутой лесе.

Перебросить удилице из правой в левую руку и подхватить добычу в широкий подсак было делом нескольких секунд.

В подсаке бился линь. Не такой, как у Андрея Саввича, но все

же линь. Первый линь, пойманный мною на удочку за несколько десятков лет рыболовной практики.

— Линь, линь,— шептал я в восторге, устанавливая удочку на прежнее место.

«Если так пойдет и дальше, то мне не донести улова»,— радостно подумал я.

Но я выкурил не одну папиросу, прежде чем заметил, что зашевелился поплавок моей средней удочки.

Сжимая комель удилища, я ждал потяжки. Секунды казались мне часами.

— Тяни! Да тяни же! — шептал я, чувствуя дрожь в коленях.— Поведи хоть немного.

Но рыба не вела и не тянула. Поплавок покачивался, вздрагивал, приплясывал, но с места не двигался. Я не знал, что мне делать.

— Тяни, разве ты не видишь, что насадку теребит какая-то мелочь,— шептал мне кто-то на ухо.

— Нет, нет! Не тяни, не торопись. Это крупная рыба, и она непременно потянет,— шептал другой.

Я не выдержал и дернул удилище. Оно круто согнулось, и леса натянулась как струна. Создалось впечатление, что крючок зацепился. Но в следующее мгновение последовал сильный рывок в сторону, и леса, подброшенная выпрямившимся удилищем, со свистом вылетела из воды.

Перехватив ее в воздухе левой рукой и взглянув на крючок, я едва не вскрикнул от изумления: на крючке висел большой рыбий глаз.

Несколько секунд я, ничего не понимая, пялил глаза на свой необычайный трофей. Такого необыкновенного случая еще никогда не было в моей рыболовной практике.

Судя по величине глаза, можно догадаться, какой это был великан. Он, наверное, был больше того, что я видел у Андрея Саввича. И стоило забираться в такую даль, чтобы уродовать рыбу — вырвать у нее глаз.

— Дернула же меня нелегкая поторопиться,— вздыхал я, проклиная свое нетерпение.

Вдруг ряска в середине «окна» раздалась в стороны, и на поверхность всплыл и ошалело закружился на месте огромный золотистый карась.

Бросив удочку, я схватил подсак и, перегнувшись через борт лодки, пытался дотянуться до карася, но не достал.

— Уйдет, уйдет! — бросая подсак и вооружаясь веслом, шептал я в отчаянии. Но карась не ушел. Он, как заводной игрушечный автомобиль, кружился на одном месте, и я благополучно вместе с ворохом ряски подхватил его в свой широкий подсак.

Что это был за карась! Что за великан! Что за красавец! Только с левой стороны вместо глаза у него зияла пустая глазная впадина.

Втянув садок в лодку, я хотел посадить в него свой редкостный трофей, но верхнее алюминиевое кольцо садка, до двадцати пяти сантиметров в диаметре, оказалось слишком мало для этого. Пришлось его сплоснуть с боков, но и после этого я с трудом просунул в садок карася.

Удочки мои в беспорядке лежали на воде (не до них мне было). Два поплавка стояли неподвижно, но третьего я нигде не видел. Поставив лодку на прежнее место и разбирая удочки, я почувствовал резкий рывок на той, что была брошена в воду с карасевым глазом на крючке.

После непродолжительной, но упорной борьбы я извлек на поверхность и подсачил большого окуня.

— Час от часу не легче! — удивленно воскликнул я.

Окунь взял на глаз злополучного карася и так заглотал крючок, что мне пришлось отрезать несколько сантиметров лесы. После этого удивительного случая рыба долго не брала.

«Надо переехать в другое место, распугал я здесь рыбу», — решил я, вспомнив наставления Андрея Саввича.

На новом месте я не успел размотать вторую удочку, как поплавков первой вздрогнул и, наклонившись, быстро заскользил в сторону и вниз под воду. После подсечки рыба шарахнулась вбок, пытаясь добраться до зарослей осоки, но, остановленная звенящей лесой, упруго заходила на кругах. Это был крупный окунь.

Окуни брали один за другим, и мне пришлось действовать только одной удочкой. После десятка крупных окуней насадку «на ходу» стали хватать небольшие окуньки.

«Здесь мне линия не дожидаться. Ему не успеть за этими обжорами», — подумал я и опять переменял место.

На новом месте поплавки долго стояли неподвижно.

«Если линь долго не берет, подергайте удочками, как при зимнем блеснении», — опять вспомнил я наставления Пастерова.

Подергал одну за другой все три удочки. Едва я поставил на место последнюю, как поплавков ее покачнулся и медленно поплыл к зарослям осоки.

Дернув удилищем вверх и в сторону, я ощутил такой рывок, что чуть не выронил удочку.

Взбудоражив все «окно», силясь оборвать лесу, линь яростно заметался на крючке, но полумиллиметровый сатурн выдержал.

Всплыв на поверхность, линь угодил в мой подсак.

— Хороша рыбка, — восхищался я, любуясь линем. — В ней будет не меньше трех килограммов, — определил я, взвешивая тяжелую рыбу на вытянутой руке.

«Хватит на сегодня. Надо засветло собрать сухих дров для костра и приготовить место для ночлега», — решил я и, смотав удочки, поплыл к ручью...

Когда очертания деревьев потонули во мраке ночи, у журчащего ручья, бросая на кусты кроваво-красные отблески яркого